

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.Л. Соломоновская

Новосибирский государственный университет

Composita в церковнославянском переводе трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии»

Аннотация: Статья посвящена сложным словам (composita) в переводе XIV в. трактата «О Небесной иерархии» Корпуса Ареопагитик. Рассматриваются наиболее распространенные первые и вторые компоненты сложений в сравнении с распределением таковых в древнерусском и церковнославянском языках в целом: особенности морфемной структуры славянских composita в сравнении с их греческими прототипами. Отдельно проанализированы случаи мены компонентов (традиционно выделяемый корень *-люб-* и компонент *-начал-*).

The paper deals with composita in Corpus Areopagiticum Slavicum, translated in XIV century by Monk Isaiah. The following issues are under consideration: the most wide-spread components of composita (compared with general distribution of those in Old Russian and Old Church Slavonic languages); the affixation peculiarities of Slavic composita versus those of their Greek prototypes, and some particular cases of the reverse component order (*-lyub-* and *-natchal-*).

Ключевые слова: сложное слово (compositum), компонент А, Компонент Б, калька, Корпус Ареопагитик, Инок Исайя.

Compound word (compositum), component A, component B, calque. Corpus Areopagiticum (Slavicum), Monk Isaiah.

УДК: 811.163.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра английской филологии. Тел. (383) 3634023. E-mail: asolomonovskaya@mail.ru.

Характерной чертой переводов, выполненных на славянском юге в XIV в., в том числе и перевода Корпуса Ареопагитик, законченного в 1371 году старцем Исайей, было стремление к поморфемной передаче текста оригинала, что фактически означало создание своего рода «словообразовательной кальки» текста оригинала. Такая переводческая техника была обусловлена влиянием монументального стиля византийской литературы этого времени и идеологически обосновывалась стремлением книжников создать единую славяно-греческую православную культуру. Одной из черт этого стиля, в частности, было большое количество composita, что отразилось в выполненных в данный период переводах. В дальнейшем, уже на русской почве, в эпоху так называемого «второго южнославянского влияния» отмечается уже самостоятельное словотворчество русских книжников, в частности, Епифания Премудрого, который сам сочинял сложные слова из двух или даже трех корней [Ларин, 1975]. В более поздний период (в XVII в.), как отмечает Р.Б. Тарковский, переводчики, передавая сложные слова греческого оригинала славянскими composita, не столько калькировали отдельные лексемы,

сколько прибегали к «структурно-повествовательной компенсации перевода», руководствуясь в первую очередь существующими в русском языке моделями и традицией словоупотребления [Тарковский, 1974, с. 249].

В отличие от одноосновных калек, кальки-сложения довольно хорошо изучены. Тем не менее, среди исследователей нет единодушия в том, что считать собственно сложным словом или *compositum*. Некоторые исследователи, в частности М.Н. Сперанский [Сперанский, 1960], склонны трактовать это понятие расширительно, относя к числу *composita*, (правда, оговаривая условность этого отнесения) сочетания имени с «предлогом» *pre-* и даже сочетания с предлогами *без-* и *съ-*, которые все же логичнее было бы рассматривать как приставочные образования, также являющиеся, в конечном итоге, сочетанием имени и предлога. С другой стороны, существует мнение, что «часто общая корневая морфема, одинаковый первый компонент сложных слов, превращалась в приставку (благо-, зло-, добро-, благо-, само-, бого-, много-, все-), что несомненно способствовало образованию новых слов по существующему образцу» ([Рогова, 1972, с. 127] со ссылкой на Е.А. Василевскую, Е.А. Земскую, К.Л. Ряшенцева). Как кажется, если первому компоненту сложения такого рода придается статус приставки, в этом случае не принимается во внимание его происхождение из **полнозначного** слова, так же как в первом случае игнорируется **служебный** характер вышеупомянутых префиксов. Возможным критерием отнесения лексемы к сложным словам может выступать греческий оригинал – то есть в сомнительных случаях слово признается сложением, если в греческом тексте ему также соответствует сложение (см., например: [Низаметдинова, 1996]). Абсолютизация этого критерия ведет, как кажется, к определенному сужению круга сложных слов. Так, в указанной работе [Низаметдинова, 1996, с. 304] сложениями не признаются славянские образования с *прежде-/преж-*; *противу-*; и *неудобь-* на том основании, что им соответствуют греческие приставки *προ-*, *αντι-* и *δυσ-* соответственно. Если можно согласиться с таким выводом по отношению к первым двум компонентам, то компонент *неудобь-*, имеющий именной по происхождению корень, вполне можно рассматривать как элемент сложения. Многим греческим простым словам в переводе соответствуют *composita*, поэтому обращение к греческому оригиналу, бесспорно полезное, не может служить единственным и абсолютным критерием отнесения **славянского** образования к сложным или простым словам или даже словосочетаниям. Кроме того, среди ученых нет единства и в том, как классифицировать греческие слова с приставками, подобными вышеупомянутым. Так, исследователь языка греческого Корпуса Ареопагитик П. Скаццо относит к сложным словам и многочисленные приставочные образования, столь характерные для Псевдо-Дионисия (точка зрения приводится Н.Г. Николаевой [Николаева, 2007, с. 51]). Наиболее убедительным кажется традиционное отнесение к *composita* производных слов, имеющих в своем составе два или более корневых, полнозначных по происхождению компонента (как в греческом оригинале, так и в переводе).

Еще одним вопросом, по которому существовало расхождение среди исследователей сложного слова в русском языке, является проблема происхождения данной словообразовательной модели. Некоторые ученые считали ее заимствованной из греческого через старославянский (церковнославянский) [Пономарев, 1953]. Л.В. Вялкина считает, что заимствовались не столько модели, сколько отдельные слова, на основе которых и складывалась модель в целом [Вялкина, 1975]. Г.А. Николаев утверждает, что заимствованные сложения «обнаружили скрытые потенции словообразовательной системы русского языка», а «калькирование активизировало процессы композитообразования в русском языке» [Николаев, 1987]. Впрочем, некоторые ученые [Низаметдинова, 1996] относят собственно к калькам лишь половину сложных слов в русских переводах. Данное обстоятельство может свидетельствовать в пользу иной точки зрения на происхождение модели *composita*. Е.А. Василевская [Василевская, 1962], например, считает

данную модель исконной для русского языка. По ее мнению, словосложение, являясь древнейшей словообразовательной моделью, проявляет свое национальное своеобразие в распространенности в конкретном языке или группе языков (так, эта модель реже встречается в романских языках), в наличии-отсутствии соединительных гласных и порядке следования компонентов. Как кажется, именно последние два обстоятельства (более часто встречающееся наличие, в отличие от греческих образцов, соединительного гласного и мена мест компонентов в некоторых сложениях, обусловленное особенностями соотношения их семантики) позволяют утверждать, что *composita* были исконной чертой лексики древнерусского языка, а кальки с греческого лишь придали большую абстрактность словам, образованным по данной модели. К тому же, об исконности модели сложения свидетельствуют и сложные слова славянского перевода, использующиеся в соответствии с простыми в греческом оригинале (одно из таких слов, как неоднократно отмечалось, *благодать* для передачи $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$). Как пишет М.О. Новак, «словообразовательная модель *composita* была исконно присуща древнеславянскому языку, что облегчило не только приятие, но и творческое развитие морфемных структур греческого оригинала» [Новак, 1997, с. 175].

Материалом для данной статьи послужили сложения в греческом тексте и славянском переводе трактата *О небесной иерархии* и 188 комментариев к нему. Сложения традиционно рассматриваются как характерная черта возвышенного, торжественного и даже поэтического стиля Псевдо-Дионисия, который часто противопоставляется более сухому стилю его комментаторов – «своим простым, спокойным, «научным» стилем толкования контрастируют с эмоционально насыщенным, синтаксически сложным индивидуальным стилем Дионисия» [Прохоров, 1987, с. 6]. Поэтому можно было бы ожидать их преобладание в самом тексте и меньшее количество подобных лексем в комментариях. Однако подсчеты, проведенные по греческо-славянскому словнику обработанной части Корпуса (1772 лексемы в тексте трактата и 1103 в комментариях) показали незначительное преобладание сложных слов в самом тексте (252 или 14% всего лексического состава, без учета частотности) по сравнению с комментариями (113 или 10%). Если исключить повторяющиеся в самом тексте и комментариях лексемы, всего в славянском тексте на данный момент обнаружено 357 сложных слов, отвечающих выдвинутому выше критерию. Рассмотрим собранный материал с точки зрения наиболее распространенных первых элементов или компонентов А (терминология Л.В. Вялкиной [Вялкина, 1964]), и вторых (или компонентов Б).

В работе Л.В. Вялкиной 1974 г. [Вялкина, 1974] приводятся списки наиболее распространенных первых и вторых компонентов сложения в древнерусском языке XI–XIV веков. Их сравнение с *composita* славянского Корпуса Ареопагитик выявляет следующую картину (таблица 1).

Таблица 1

Наиболее распространенные компоненты А сложений	
Данные Л.В. Вялкиной (древнерусский язык в целом)	Славянские Ареопагитики
Благо-	Благо-
Бого-	Бого-
Много-	Священно-
Довро-	Много-
Зъло-	Пръво-
Люво-	Само-
Єдино-	Вьсе-
Само-	Свѣто-
Вьсе-	Чловѣко
Пръво-	єдино-

Хотя большинство компонентов в обоих списках одинаковы, тем не менее наблюдается значительное расхождение в их расположении (кроме двух первых, самых распространенных). В отличие от общей картины древнерусского языка, которую отразила в своем исследовании Л.В. Вялкина, в языке перевода Ареопагитик в первую десятку входят элемент **свѣщенно-** (что, разумеется, неудивительно принимая в внимание название трактата, в славянском переводе – «О священноначалии») и компонент **свѣто-**, который в списке Л.В. Вялкиной занимает лишь 34-е место. Этот факт, как и отсутствие в составленном нами списке (куда вошли компоненты, употребляющиеся не менее 7 раз) основы **зъло-**, объясняется особенностями доктрины Ареопагитик. Бог-Благо в его метафизике также именуется Светом. Как солнце в материальном мире, Благо распространяет свой свет на весь мир без исключения. Как пишет Y. de Andia, «мир Дионисия соткан из света («Le cosmos dionysien est une architecture de lumiere») [Andia, 86]. Что касается наличия зла, Дионисий отрицает его субстанциональность, говоря о нем лишь как об оскудении добра. Последняя основа (**добро-**) присутствует как одна из наиболее частотных в списке Л.В. Вялкиной, но в собранном нами на данный момент материале встречается лишь в двух сложных словах, что, возможно, связано с тем, что БЛАГО, как одно из «Божественных имен» используется переводчиком для передачи как форманта εὖ- так и существительного τὸ ἄγαθον, что, по мнению Н.Г. Николаевой способствует тому, что «славянский перевод, следуя основной идеологии, заложенной в текстопостроении греческого, опережает текст оригинала в воплощении этих идей» [Николаева, 2007, с. 55]. Возможно и более прозаическое объяснение такой замены – в словаре Даничича, отражающем состояние сербского языка, родного для Исайи, в тот период, нет существительного **добро** в абстрактном значении (это слово приводится в словаре в качестве топонима – с. 278).

Структура второго компонента сложений (компонент Б) в славянских Ареопагитиках достаточно часто осложнена не только суффиксами, образующими сложносуффиксальные слова, но и приставками – как единичными, так и целыми их комплексами. Рассмотрим сначала наиболее распространенные корневые части второго (а в одном случае и третьего) компонента сложения. Их список приводится в таблице 2. Во втором столбце таблицы приводится список корневых морфем, составленный на основе частотного списка компонента Б Л.В. Вялкиной [Вялкина 1974].

Таблица 2

Наиболее распространенные компоненты Б сложений

Данные Л.В. Вялкиной	Славянские Ареопагитики
-люб-	-вид-
-слов-	-твор-, -дѣи-
-твор-	-нач-
-дѣи-	-слов-, -лѣп-
-вѣр-	-да-
-нос-	-образ-
-мждр-	-вл-
-мысл-	-чин-, -движ-
-лют-	-зда-
-душ-	-нос-

В отличие распределения компонентов А, выборка из десяти наиболее частотных компонентов Б в нашем материале значительно отличается от данных, полученных Л.В. Вялкиной для древнерусского языка в целом. Такое различие объясняется как языковыми факторами (все-таки речь идет о древнерусском и церковнославянском языках), так и характером рассматриваемого текста. Учитывая, например, что Корпус Ареопагитик в целом и трактат «О небесной иерархии» (или «священноначалии»), в частности, посвящены образному представлению Бога и Его небесного воинства, неудивительно, что во второй части сложный наиболее часто встречается компонент **-внд-** (28 различных лексем). То же касается и некоторых других компонентов, не входящих «в первую десятку» в древнерусском языке: **-нач(ал)-**, **-образ-**, **-чин-**, и **-авл-**.

Как уже упоминалось, подавляющее большинство из 357 composita осложнены различными суффиксами (в основном во второй части) и приставками (как в первой, так и во второй). В этой связи представляется целесообразным рассмотреть два теоретических вопроса, а именно, что собственно рассматривать в качестве компонента Б – лишь корневую морфему или целый комплекс, включающий как корень, так и аффикс (или комплекс аффиксов) и как соотносятся сложное и сложносуффиксальное слово (иначе говоря, являются ли все лексемы с компонентом, осложненным суффиксом, сложносуффиксальными, или среди них есть собственно сложения).

Компоненты А и Б сложения обычно не приравниваются к соответствующим корням, так как часто бывают осложнены приставками, которые несут семантическую нагрузку в отличие от суффиксов, чаще всего лишь меняющих категориальное значение слова. Некоторые из этих приставок присоединяются к уже готовому сложному слову (например, приставка не- как славянский эквивалент *α-privativum*) и тогда они не входят в состав compositum, но некоторые входят в состав компонента А или Б [Вялкина, 1965]. Поскольку приставки или суффиксы, присоединяемые ко всему сложению, сосредоточены на его «флангах», можно сформулировать следующий принцип: приставка всегда входит в состав компонента Б и не всегда в состав компонента А, а суффикс – всегда входит в состав компонента А и не всегда – в состав компонента Б.

В собранном нами материале насчитывается чуть более семидесяти composita, компоненты которых осложнены приставками. Можно выделить четыре основных типа таких сложений. Во многих случаях приставка в компоненте Б восходит к особенностям видообразования славянского глагола (например, **законоположеніе** в соответствии с *νομοθεσία*). Во-вторых, наличие приставки может объясняться традиционной передачей греческого слова (основа которого составляет один из компонентов сложения) – например, *γνώσις* – **разꙋмъ** (отсюда **богоразꙋміе** – *θεογνωσία*) или *σοφία* – **прѣмѣдрость** (**любопрѣмѣдрѣство** – *φιλοσοφία*). В третьих, славянская приставка может передавать префикс в составе греческого compositum. Таких примеров в нашей выборке немного – **бѣзмѣроножнѣ** в соответствии с *ἄμετροπος* и **отъцѣпрѣдательнын** для передачи *πατροπαράουτός*. И наконец, в некоторых случаях префикс появляется по воле переводчика. Иногда Исая варьирует сложение с префиксом в первой или второй части и без него – **сѣдинотворнын** и **единотворнын** (*ἐνότης*) или **благочиніе** и **благочиніе** (*εὐταξία*). В одном примере переводчик дублирует семантику корневого компонента – *ὑπερκειμενος* – **прѣвышеележціи**. Еще в одном случае приставочное образование в качестве компонента Б появляется в результате процесса, «осмысления фоновой семантики слова», названного Е.М. Верещагиным *ментализацией* [Верещагин, 1982, с. 44]. Греческое прилагательное *ἀεικίνητος*, обычно перево-

димое Исайей как **присънодвиженъ**, в контексте, где описывается движение колеса, передается прилагательным **присънобращательным**.

Что касается ответа на второй вопрос, автор разделяет точку зрения Н.Х. Низаметдиновой, по мнению которой *compositum* является сложением в узком смысле этого слова, «если его последний компонент формально и семантически соотносится с самостоятельным словом, существующем в языке изучаемого периода», а также это слово соотносится с лексемой, основа которой составляет первый компонент данного сложения [Низаметдинова, 1998, с. 38]. В этом отношении большая часть *composita* в собранном нами материале являются сложно-суффиксальными образованиями, причем компонент Б (а точнее второй корень сложения) осложнен обычно целым комплексом суффиксов (до четырех). В некоторых случаях в этот комплекс входят суффикс причастия и суффикс прилагательного (**благожъаньныи**), что переводит это причастие в разряд прилагательных [Вялкина, 1964]. Удвоение суффикса в компоненте Б, как считает М.О. Новак [Новак, 1997], приводит к усилению абстрактного элемента в семантике. Нужно отметить, что в подавляющем большинстве случаев в переводе Исайи калькируемая греческая лексема была значительно проще по своей структуре (обычно содержала лишь один суффикс). Таким образом, Исайя, калькируя «семантическую основу» (если так можно назвать оба корня сложения), чувствует себя гораздо свободней в подборе суффиксального оформления получающегося славянского *compositum* в соответствии со своими собственными представлениями о подающем Ареопагитикам стиле изложения.

Отдельно необходимо рассмотреть случаи мены мест компонентов в сложных словах. Эта мена обусловлена различным позиционированием компонента, выражающего действие в греческом и славянском языках. Если в греческом языке «в препозиции чаще выступает компонент со значением действия» [Низаметдинова, 1996, с. 306], то в славянских языках этот компонент часто находится в постпозиции. Наш материал насчитывает 11 примеров этого рода. Из них четыре примера – традиционная для старославянского мена компонентов в сложениях с **-люб-** [Вялкина, 1964; Истрин, 1920; Сендровиц, 1981; Цейтлин, 1977]. Нужно отметить, однако, что в трех других случаях использования этого компонента мены не наблюдается (**любоаггельныи**, **любовозритель**, **любопрѣмждръство**). Рассмотрим все же те случаи, в которых наблюдается данное явление:

1. **φιλάνθρωπος** – **человеколюбвыи**
2. **φιλόθεος** – **боголюбезныи**, **боголюбезнивыи**
3. **φιλόθεος (τατος)** – **боголюбивыи**
4. **φιλαυτία** – **самолюбие**

Примеры 2 и 3 интересны своим суффиксальным оформлением. Оба сложения имеют одно греческое соответствие **φιλόθεος**, которое переводится как «любящий Бога». Славянские же соответствия, если судить по словарям, имели разные значения: слово **БОГОЛЮБИВЫИ** означало «любящий Бога, набожный», **БОГОЛЮБЕЗНЫИ** же фиксируется в словарях (Срезн., СлXI-XIV) со значением «угодный Богу». В целом, суффикс **-ив-** в сложениях имел словообразовательное значение «отличающийся тем, склонный к тому, что названо в производящей основе», обычно называющей христианскую добродетель или порок [Зверковская, 1986]. Рассмотрим контексты, где употребляется **БОГОЛЮБЕЗНЫИ** (в скобках даны греческие соответствия и современный перевод):

Мелхиседека достонть разжмѣти свѣщенноначалника (ιεράρχην) соуща боголюбезнивъншааго (φιλοθεώτατον – боголюбивейшаго) не иже по сѣщих, нъ въистинѣ сѣщааго вышншаго бога не въ не просто мелхиседека богомждръныи не боголюбезнаго (φιλόθεον – боголюбезным) тѣкмо нъ и свѣщенника нареквша

В первом случае Исаия использует сразу два вышеупомянутых суффикса. Такая лексема не зафиксирована ни в одном из привлекавшихся словарей и является новообразованием переводчика. С одной стороны такое искусственное образование, употребленное к тому же в превосходной степени, соответствовало высочайшей степени признака, с другой – сам этот признак объединял обе характеристики библейского персонажа – любящий Бога и любимый, избранный Богом. Сама личность Мелхиседека, упомянутого в Книге Бытия и других Книгах Библии, была весьма загадочной. Как указано в Библейской Энциклопедии, некоторые видели в нем воплощенного ангела или «ветхозаветное явление Сына Божьего» [Библейская Энциклопедия, 1891, с. 466], в любом случае, обе характеристики, суммированные в **БОГОЛЮБЕЗНИВЕНШИИ**, были более чем уместны. Во втором случае Исаия употребляет слово **БОГОЛЮБЕЗНЫИ**, традиционно обозначавшее «угодный Богу».

и къ мощномѹ боголюбезныхъ (φιλοθέων – боголюбивым) оумовѹ подражанію свѣщенноначалнѣ изъавлѣемаа небеснаа и паче насѣ сщ҃ствіа и иже оу нас боголюбивыиа (φιλοθεώτατος – «боголюбивый») и свѣщенныа мѣжи

Как видно из греческих соответствий и современных переводов, Исаия не различает словообразовательное значение этих двух суффиксов, используя комплекс, состоящий из них для усиления идеи святости.

Если мена мест компонентов в сложениях с **-люб-** общеизвестна, то подобное явление для образований с эквивалентами греческого ἀρχή сравнительно мало изучено. Таких примеров в нашем материале шесть. Таким образом, мена мест компонентов в переводе Исаии ограничивается лишь двумя корнями: **φιλ-** и **-αρχ-**. Рассмотрим вторую группу:

1. (къ) свѣтоначалникѣ - πρὸς τὸν ἀρχιφῶτον

Перестановка в первом примере вытекает из закономерностей построения сложных слов в русском и церковнославянском языках – компонент 2 является носителем родового признака, в нем заключается основное, ведущее значение слова [Василевская, 1962], см. также: [Аверина, 1991] (ср. другие слова с элементом **-начал-**, где порядок следования компонентов сохраняется:

τελεταρχία – сл҃жбоначаліе, но **θεαρχία – богоначаліе,** **ἀρχετυπία** («первообраз») – **началлообразіе** – компоненты сложения равноправны).

2. и къ властотворномѹ (ἐξουσιόποιον) началовластію (ἐξουσιαρχία) яко же лѣпо ὑποделѣшиѹ.

В данном случае переводчик отступает и от греческого оригинала, и от «норм» церковнославянского языка, возможно, стремясь к созданию сбалансированной словом **власть** конструкции, тем более что эта глава и посвящена триаде «господства – силы – **власти**». И в оригинале, и в переводе эстетический эффект достигается повторением ключевого корня, но в разной позиции, прием известный как *Figura etymologica*.

Остальные примеры этой группы связаны с передачей на церковнославянский язык греческого ἱεραρχῆς («иерарх, глава священнослужителей») и его производных. Эта лексема передается переводчиком несколькими способами:

1) прямым заимствованием, когда речь идет о конкретном лице, как название его должности: **захарію оубо ієрарха наоучи;**

2) точной калькой (причем калькируется как само это существительное, так и производное от него прилагательное ἱεραρχικός): **яко ѿ священноначалника навькшаго и иже архангелъ сватыи чинъ общителнѣ священноначалничьскую срѣдѣю краевъ касается;**

3) производным от заимствования с меной мест компонентов: **по знаменію архіеренскимъ одѣанъ.** В данном случае греческое прилагательное ἱεραρχικός имеет значение «относящийся к должности иерарха». Слово **архіеренскъ** фиксируется словарями, начиная со Старославянского, как прилагательное, образованное от заимствования в соответствии с греческим τῶν ἀρχιερέων.

Псевдо-калькой с меной мест компонентов и переосмыслением одного из них: **пръвосвященникъ** и причастие от производного глагола ἱεραρχοῦμεναι – **пръвосвященствоуемаа.** Эти лексемы не зафиксированы ни в ССС, ни в Срезн., хотя в последнем есть однокоренное сложение **первосвятитель**, зафиксированное со ссылкой на Изборник 1073. Слово **пръвосвященникъ** фиксируется Н.С. Араповой в памятнике XV–XVI вв., правда с другим греческим соответствием (πρωτοіερέυς), являясь точной его калькой [Арапова, 1981]. Это же слово в соответствии с греческим ἀρχιέρεις отмечается как преславская замена кирилло-мефодиевского **архиерен** [Новикова, 2000, с. 98], а также фиксируется М.О. Новак наряду с **архиерен** и **святитель** для позднейшей церковнославянской редакции Апостола (в ранней редакции Апостола (XII в.) греческое ἀρχιέρεις передается словосочетаниями **старѣшина молитвѣникъ / мольвѣникъ / святитель** [Новак, 1997, с. 174–175]. Если в значении «первосвященник, высший иерарх» уже в раннюю эпоху существовало слово **первосвятитель**, то можно предположить, что существовал его словообразовательный вариант с другим суффиксальным оформлением, который и использовал переводчик для передачи ἱεραρχῆς. Таким образом, в этом случае нельзя говорить о калькировании, создании слова в момент перевода.

Можно предположить, что в значении должности первосвященника Исаия предпочитал использовать заимствование, так как соответствующие слова имели конкретное значение. Это в принципе соотносится с высказываемой в литературе гипотезой, что для передачи конкретной лексики (в данном случае – названия должности) выбирается заимствование, а более абстрактная лексика калькируется (см.: [Истрин, 1920; Дубровина, 1974]). В данном случае одно и то же слово и его производные выступали то в более конкретном, то в более абстрактном значении, что и обусловило их разную передачу.

Ограниченный объем статьи не позволяет более детально проанализировать все composita в греческом оригинале и церковнославянском переводе трактата «О небесной иерархии», но приведенный материал, надеюсь, продемонстрировал основную тенденцию – достаточно большую свободу переводчика в подборе второстепенных элементов сложения (приставок и суффиксов) и его стремление к усложнению морфемной структуры сложного слова, которое отвечало его представлениям о «высоком стиле», подобающем переводу произведений такого почитаемого Отца церкви как Дионисий Ареопагит.

Литература

Аверина С.А. Сложные слова в языке XII в. // Древнерусский язык домонгольской поры. Л., 1991. С. 163–173.

Арапова Н.С. Из истории нескольких русских калек // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1981. Вып. IX. С. 5–10.

Василевская Е.А. Словообразование в русском языке. М., 1962.

Верещагин Е.М. К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей (Доклад на IX Международном съезде славистов). М., 1982.

Вялкина Л.В. Из истории слов-терминов времени (на материале письменных памятников XI–XIV вв.) // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975. С. 69–93.

Вялкина Л.В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала: (на материале Ефремовской Кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 94–118.

Вялкина Л.В. Сложные слова в древнерусском языке (на материале письменных памятников XI–XIV вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965.

Вялкина Л.В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 156–195.

Дубровина В.Ф. К изучению слов греческого происхождения в сочинениях древнерусских авторов // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 62–105.

Зверковская Н.П. Суффиксальное образование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986.

Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920; 1922. Т. 2; Л., 1930. Т. 3.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVII в.). М., 1975.

Низаметдинова Н.Х. Греческие словообразовательные модели в истории русского словосложения // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 301–311.

Низаметдинова Н.Х. Словообразовательно-семантическое описание сложных слов на историческом материале // Вопросы истории и источниковедения русского языка. Рязань, 1998. С. 35–45.

Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Казань, 1987.

Николаева Н.Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань, 2007.

Новак М.О. О славяно-греческих параллелях *composita* в тексте Апостола // История русского языка. Словообразование и формообразование. Казань, 1997. С. 170–178.

Новикова А.С. Древнерусские списки Евангелия – драгоценная сокровищница сведений по истории преславской редакции библейских книг // *Folia Slavistica*. М., 2000. С. 96–104.

Пономарев В.И. К истории сложных слов в русском языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1953. № 4. С. 44–58.

Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV веков. Л., 1987.

Рогова В.Н. Словообразовательная система русского языка в XVI в. Красноярск, 1972.

Сендровиц Е.М. О сложениях с морфемой –ЛЮБ- в древнерусском и русском языках // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1981. Вып. 9. С. 178–224.

Сперанский М.Н. Из наблюдений над сложными словами (*composita*) в стиле русской литературной школы XV–XVI вв. (Из истории византийско-югославянско-русских связей) // Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 160–197.

Тарковский Р.Б. О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX. С. 243–256.

Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
Andia de, Ysabel Henosis. L'Union a Dieu chez Denys L'Areopagite. Leiden-NY-Koln, 1996.

Словари и энциклопедии

Библейская Энциклопедия Архимандрита Никифора. М., 1891. (репринтное издание)

Даничич Ю. Рјечник из книжевних старина српских. Белград, 1863.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1–3.

Сл. XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 26 вып. (издание продолжающееся)

Вейсман – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.